

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВА

МИХАИЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ АНТОНОВ

Юридический факультет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал)
198099, Российская Федерация, Санкт-Петербург,

ул. Промышленная, 17

E-mail: mantonov@hse.ru

SPIN-код: 4586-3170

ORCID: 0000-0002-6462-2664

ЛЕГИТИМНОСТЬ И ДЕЙСТВИЕ ПРАВА

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 18-IP-01, поддержанного Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург.

Автор благодарен Н.В. Варламовой, Д.И. Луковской, И.Л. Честнову и другим участникам XVII Спиридоновских чтений (Санкт-Петербург, 7—8 апреля 2018 г.), которые приняли участие в обсуждении тезисов настоящей статьи и высказали свои критические замечания и комментарии.

Аннотация. История правовой мысли свидетельствует, что попытки ограничить действие позитивного права зачастую предпринимались при помощи туманных выражений и определений (природа вещей, народный дух, классовый интерес и т.п.), которые вводили субъективные надпозитивные критерии действия права, выдавая их за объективные. Одним из таких критериев является «легитимность». В обыденном и в политическом дискурсе часто утверждается, что нелегитимные режимы можно менять посредством революций; нелегитимные нормы можно обойти и нарушать; законные, но предположительно нелегитимные права и интересы (например, религиозных и иных меньшинств) можно лишать правовой защиты. Дискуссии о признании права и о легитимности права как об основании его обязывающей силы порождают серьезные концептуальные проблемы. Некритическое использование термина «легитимность» в суждениях о действии норм права способно стать основанием отказа от следования формально действующей норме по причине ее предполагаемой нелегитимности. Применительно к легитимности права проблема, имеющая центральное теоретическое и практическое значение, заключается в проведении различия между дескриптивными и прескриптивными суждениями. Имеются в виду ситуации, когда из суждения о том, что некое правительство нелегитимно (не имеет общественной поддержки), делается вывод о юридической допустимости смены этого правительства

или нарушения установленных им норм. Особое внимание правоведам следует уделять суждениям о легитимности норм права, когда «легитимность» или «признание» используются в качестве критерия обоснованности этих норм. Здесь критерии признания и легитимности выступают частью оценочного суждения, при помощи которого потенциально может быть обосновано неправомерное поведение.

Ключевые слова: легитимность, легальность, признание, правопорядок, действительность права, действие права, обязывающая сила права, нормативность

MIKHAIL V. ANTONOV

School of Law, Higher School of Economics National Research
University, Campus in Saint Petersburg
17, Promyshlennaya str., Saint Petersburg 198099, Russian Federation
E-mail: mantonov@hse.ru
ORCID: 0000-0002-6462-2664

THE LEGITIMACY AND THE BINDING FORCE (VALIDITY) OF LAW

Research for this article was funded by a grant from the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Grant № 18-IP-01.

The author expresses his gratitude to Natalia Varlamova, Genevra Lukovskaya, Ilya Chestnov and to other participants of the XVII Spirodonov Readings (Saint Petersburg, 7—8 April, 2018) for their comments on the theses elaborated in the present paper and for their critical observations.

Abstract. The history of political ideas exemplifies that frequently the attempts to limit validity of the positive law were undertaken with the use of such ambiguous expressions and concepts as “nature of things”, “people’s spirit”, “class interest”, and other concepts which introduce subjective suprapostatutory criteria of validity of law making them appear as objective ones. In author’s opinion, one of such ambiguous concept is that of legitimacy. One can hear that illegitimate regimes can be overthrown by the way of revolution, that illegitimate norms can be circumvented and violated, that legal but supposedly illegitimate rights and interests (for example, those of religious and other minorities) can be deprived of legal protection. The objective of the present paper is to analyze these questions and to establish whether the concept of legitimacy of law can be utilized for defining the binding force of law. It is underscored that an indiscriminate use of the concept “legitimacy” in propositions about validity of legal norms can result in violations of such norms by their addressees because of the alleged illegitimacy of these norms. It is important to underscore the centrality of the distinction between descriptive and prescriptive propositions in such situations in which one makes argument that a

government is illegitimate as having no social support and for this reason one infers that it is legally allowed to change this government or discard the legal rules enacted by this government. Lawyers should pay particular attention to such propositions about legitimacy of legal norms where legitimacy or recognition are applied in the purposes of justification of these norms: here these criteria work out as parts of a value judgment that might potentially justify illegal behavior.

Keywords: legitimacy, legality, recognition, legal order, validity of law, binding force of law, normativity

1. Введение

Научность правового дискурса может измеряться строгостью и последовательностью метаязыка правовой доктрины, если вместе с постмодернистами не считать, что расплывчатость и неясность метаязыка гарантирует его адекватность изучаемым объектам (языку и реальным явлениям, которые в этом языке находят свое описание и объяснение)¹. Особую значимость вопрос корректного использования метаязыка приобретает в таких чувствительных темах, как действие права и основания его обязывающей силы. История правовой мысли свидетельствует, что зачастую предпринимались попытки ограничить действие позитивного права при помощи туманных выражений и определений (природа вещей, народный дух, классовый интерес и т.п.)², которые вводили субъективные надпозитивные критерии действия права, выдаваемые за объективные. В наши дни одним из таких выражений является «легитимность». В обыденном и в политическом дискурсе можно часто услышать, что нелегитимные режимы можно менять посредством революции; нелегитимные нормы можно обходить и нарушать; законные, но предположительно нелегитимные права и интересы (например, религиозных и иных меньшинств) можно лишать правовой защиты и т.п.³

Взаимосвязь действия права и легитимности на первый взгляд кажется очевидной — чтобы право могло действовать, т.е. подчинять своему регулирующему воздействию отношения людей, оно должно быть в той или иной форме принято людьми. В обыден-

¹ См.: Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 2. С. 4—16.

² См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / Пер. с нем., англ., фр.; сост. М.В. Антонов. СПб., 2015.

³ Об этом см.: Thomas C.A. The Uses and Abuses of Legitimacy in International Law // Oxford Journal of Legal Studies. 2014. Vol. 34. Iss. 4. P. 729—758.

ном языке такое принятие нередко обозначается как легитимность права. С точки зрения метаязыка правовой доктрины, который используется для описания обыденного и профессионального юридического дискурсов, использование термина «легитимность» применительно к праву вызывает некоторые методологические вопросы. Целью настоящего исследования является анализ этих вопросов и установление *теоретической* ценности введения такого измерения права, как его легитимность, для оценки наличия у права обязывающей силы. Поскольку *практическая* ценность может измеряться в терминах идеологического эффекта, внешнеполитических или внутривнутриполитических выгод и проч., рассмотрение этой проблематики в предмет исследования не входит.

2. Нормативные и дескриптивные суждения о легитимности

Применительно к легитимности права проблема, имеющая центральное теоретическое и практическое значение, заключается в проведении различия между дескриптивными и прескриптивными суждениями. Нередко, например, из суждения о том, что некое правительство нелегитимно (не имеет общественной поддержки), делается вывод о юридической допустимости его смены или нарушения установленных им норм. Эта проблематика «тираномахии» и «надзаконного права» имеет долгую историю в правовой мысли; обычно она обсуждалась в контексте естественно-правовых или, в современной терминологии, непозитивистских доктрин⁴.

К этому обсуждению мы обращаться не будем и в данной работе проанализируем только то, что дает использование понятия «легитимность» для дискурса об обязанности подчинения публичной власти и создаваемому ей праву. Как будет продемонстрировано, такое использование привносит в обсуждение мнимую позитивность в виде опоры нормативных суждений на социальные факты — в данном случае на факт (не)признания, хотя на самом деле идеальное и фактическое измерения легитимности друг от друга не зависят.

Так, из суждения о социальном факте отсутствия поддержки населения может выводиться нормативное суждение об обоснованности неповиновения или сопротивления либо, наобо-

⁴ См.: Алексин Р. Дуальная природа права / Пер. с англ. С.И. Максимова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 2. С. 138—152.

рот, из факта признания права населением выводится суждение об обязанности повиноваться праву. Логика таких утверждений в их разнообразных модификациях сводится к высказыванию «поскольку мы (наши предки) приняли этот правовой порядок, мы обязаны ему подчиняться». С учетом принципа Юма (невыводимость нормативных суждений из суждений о фактах)⁵ такие высказывания, как минимум, требуют дополнительного обоснования.

Другим, более частым вариантом установления зависимости действия права от его легитимности является понимание критерия признания одновременно и в качестве социального факта, и в качестве регулятивного идеала. Такого рода умозаключения основаны на подмене разных значений понятий «легитимность» и «признание» в ходе рассуждений: из предположения некоей идеальной ситуации «дискурсивной игры» (например, у Ж.-Ф. Литоара) по поводу разумных условий признания права выводится посылка о том, что адресаты обязаны признать установленные в рамках такого дискурса нормы права, так что применительно к демократическим правопорядкам, где предположительно (в той или иной степени) были соблюдены условия этого дискурса, делается вывод о легитимности их норм, которая соответственно является источником обязательности данных правопорядков.

Принимая эти послышки и рассуждая от противного, можно без труда сделать вывод, что те правопорядки, которые по тем или иным причинам считаются недемократическими, не являются легитимными, поскольку их нормативная сила основана не на признании в рамках правильного дискурса, а на принуждении. Отсюда могут проистекать дальнейшие политические рассуждения о правомерности революционной смены режимов, об отсутствии обязывающей силы у «неправильных» правопорядков и (или) правовых норм и т.п. Такого рода умозаключения также грешат смешением фактического и нормативного и, по сути, представляют собой современные варианты старой идеи обще-

⁵ См.: Юм Д. Трактат о человеческой природе / Пер. с англ. С.И. Церетели. Т. 2. М., 1995. С. 229—230. Конечно, можно возразить, что в современной философии сам принцип Юма не воспринимается однозначно, и проблема невыводимости должного из сущего является предметом обсуждения среди философов (см., например: Максимов Л.В. «Гильотина Юма»: pro et contra // Этическая мысль. 2012. № 12. С. 124—142). Но более подробное обсуждение этой философской проблематики заставило бы нас уклониться от основной темы.

ственного договора — это особенно заметно в концепции Джона Ролза⁶.

Исходной посылкой, которая используется для обоснования зависимости действия права от его легитимности, является тезис о том, что признание (принятие) права его адресатами является условием его действия⁷. Если нормы не принимаются адресатами (либо являются неприемлемыми для них), то, по логике некоторых философов⁸, они не могут иметь обязывающей силы по отношению к этим адресатам⁹. В своей буквальной формулировке данный тезис выглядит контринтуитивным, поскольку гетерономный (а не автономный) характер правового регулирования обычно не ставится под сомнение юристами. Если действительность или обязывающая сила права означает именно обязанность принять право и подчиняться его нормам, то эта обязанность логически предшествует принятию права его адресатами, а не следует за ним. Единственным концептуальным выходом является предположение некоего коллективного разума (общественного правосознания и т.п.), которое представляет собой гетерономное начало по отношению к индивидуальному сознанию и диктует ему выбор ценностных установок и поведенческих стратегий. Но концептуальные игры с коллективным сознанием обычно ни к чему хорошему не приводили¹⁰, неизбежно предполагая утверждение приоритета массового сознания по отношению к индивидуальной свободе и личному мнению.

⁶ См.: *Ролз Дж.* Теория справедливости / Пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск, 1995.

⁷ В качестве парадигмального примера можно привести философско-правовые построения Юргена Хабермаса, который утверждает, что «та или иная норма лишь в том случае может претендовать на значимость, если все, до кого она имеет касательство, как участники практического дискурса достигают (или могли бы достичь) согласия в том, что эта норма имеет силу» (*Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. С.В. Шачина. СПб., 2001. С. 104).

⁸ Например, рассуждения Джона Локка о «согласии народа» как основе всякого законного правления (*Локк Дж.* Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т. 3 / Пер. с англ. и лат. Ю.М. Давидсона, Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова, Н.А. Федорова и др. М., 1988. С. 136).

⁹ Ср.: *Мелкевик Б.* Легитимность и права человека / Пер. с фр. В.А. Токарева // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 6. С. 55–65.

¹⁰ См.: *Поннер К.Р.* Открытое общество и его враги. В 2 т. / Пер. с англ. В.В. Келле, А.В. Карташова, К.Л. Викторовой, В.Н. Брюшинкина. М., 1992.

В более осторожных выражениях признание может рассматриваться как социальный факт, который определяет социально-психический механизм правового воздействия на поведение людей, но нормативным условием действия права не является¹¹. Разумеется, утверждение, что признание не выступает условием действия права, не касается двух крайних степеней признания. С одной стороны, полного и безусловного принятия права адресатами, что делает ненужной саму технику правового регулирования как установления правил поведения под угрозой принуждения за их нарушение. Это та идеальная ситуация, когда право как принудительный нормативный порядок «выветривается» и заменяется автономным этическим регулированием (коммунистической моралью и т.п.) или «взаимным признанием» независимых товаровладельцев на ранних стадиях развития обмена (по Е.Б. Пашуканису¹²). С другой стороны, категорическое неприятие правопорядка его адресатами ведет к полной утрате правом действенности и затем к прекращению действия этого правопорядка (его революционной смене другим правопорядком) или его отдельных норм (как в случае дерогации норм обычного права).

3. Разновидности признания права

Имеет значение способ признания права — *свободное* признание права населением открытого общества отличается от *вынужденного* признания права в закрытом обществе, в котором признание является результатом не свободного индивидуального выбора, а индоктринации, идеологического воздействия. В этом последнем случае говорить о «легитимности» можно только с оговорками. Однако что считать критерием «открытости» общества и по какому набору признаков проходит разделение между «открытыми» и «закрытыми» обществами — весьма спорные вопросы, тем более что даже в парадигмальных образцах западных демократий отнюдь не исключено идеологическое воздействие¹³.

¹¹ См.: Антонов М.В. Обязывающая сила права как коллективно-психологическое явление? // Проблемы методологии и философии права / Отв. ред. С.Н. Касаткин. Самара, 2016. С. 56—67.

¹² См.: Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм // Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 113 и сл.

¹³ На чем, в частности, настаивают представители школы критических правовых исследований и неомарксисты (см., например: *Альтюссер Л.* Идеоло-

В конечном счете свободу в смысле отсутствия влияния на самоопределение коллективной и (или) индивидуальной воли практически во всех ситуациях можно поставить под сомнение, равно как и соответствие процедур такого самоопределения идеальным канонам демократии, так что ситуация «свободного признания» будет скорее идеальной конструкцией, а не реальным социальным фактом.

С точки зрения разных подходов к праву принятие (признание) может выступать либо как часть понятия «обязывающая сила права», либо как фактическое условие такой силы и может означать совершенно разные вещи — от *социологического факта* признания (доверие населения к праву, согласие с правовым регулированием, готовность и желание использовать официальное право для решения проблем и споров и т.п.) до *идеальной модели* обязанности разумных лиц принять разумное право или *нормативной модели* наделения права обязывающей силой по причине его общего использования населением и властными институтами как стандарта поведения (вроде «правила признания» у Герберта Харта)¹⁴. Соответственно неоднозначной будет и форма принятия — осуществляется ли оно в рамках *идеальной* ситуации рационального дискурса в стиле Юргена Хабермаса или Джона Ролза (тогда это просто сконструированная ситуация, не имеющая место в реальности¹⁵) или в рамках *реальной* стратегической игры между лицами с разнонаправленными интересами (скажем, выработка правового решения спора в состязательном судебном процессе или выработка приемлемого текста законопроекта в результате политических сделок и компромиссов). Очевидно, что с этих двух разных точек зрения легитимность некоего правового установления может получить противоположные оценки.

гия и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / Пер. с фр. С. Рындина // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2011. № 3. С. 14—58).

¹⁴ См.: Антонов М.В. О позитивистских подходах к пониманию формально-равенства и конститутивной роли социального признания // Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография / Отв. ред. В.В. Лапаева, А.В. Поляков, В.В. Денисенко. М., 2016. С. 86—95.

¹⁵ Нереалистичность таких идеальных ситуаций становится очевидной, если мы оценим любой из предлагаемых наборов условий рационального дискурса (см., например: Алекси Р. Юридическая аргументация как рациональный дискурс / Пер. с нем. М.В. Антонова // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008. / Под ред. А.В. Полякова. СПб., 2009. С. 452—453).

По-разному может оцениваться и логическая роль признания: является ли оно *достаточным* условием нормативной значимости права (и тогда все нормы, поддерживаемые населением, будут иметь обязывающую силу) или *необходимым* условием (и тогда нормы, которые не имеют общественной поддержки, не будут юридически действовать)¹⁶.

Оба этих варианта приводят юристов к сомнительным выводам. Рассмотрение признания как *достаточного* признака нормативности права будет означать возврат либо к эмотивистскому пониманию обязывающей силы права (если признание рассматривается как социально-психологический факт¹⁷), либо к очередному естественно-правовому аспекту «правильного права» (если признание понимать как мысленно конструируемый рациональный дискурс). При рассмотрении признания в качестве *необходимого* признака нормативности права юристам, которые сталкиваются с правильными по форме и содержанию нормами, установленными в рамках действующего правопорядка согласно надлежащей процедуре, но не имеющими общественной поддержки (или не находящими своего обоснования в перспективе рационального дискурса), придется считать эти нормы недействительными.

Возможна и третья ситуация, при которой признание рассматривается лишь как *факультативное* условие действия права (или, соответственно, факультативный признак понятия права) — право обладает юридической силой по факту его надлежащего установления и при условии правильности (справедливости) его содержания, но признание права улучшает его качество и повышает его эффективность в обществе¹⁸. В этой третьей ситуации признание не будет ни нормативным условием действия права,

¹⁶ То же самое получается, если рассуждать о взаимном признании как о достаточном и необходимом концептуальном условии (сущностном признаке) права (ср.: *Честнов И.Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 296—316).

¹⁷ Например, описываемая у Г. Кельзена ситуация узурпации правовой власти капитаном из Кёпеника демонстрирует, что самозванец Ф. Фойгт получил легитимное признание у жителей города как представитель власти. Но очевидно, что эта легитимность не придала правового характера его распоряжениям (см.: *Кельзен Г.* Чистое учение о праве: введение в проблематику науки о праве / Пер. с нем. М.В. Антонова // Российский ежегодник теории права. № 4. 2011 / Под ред. А.В. Полякова. СПб., 2012. С. 436).

¹⁸ Можно вспомнить рассуждения Ивана Ильина об аксиомах здорового правосознания и о дефектном правосознании (см.: *Ильин И.А.* О сущности правосознания // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. IV. М., 1994. С. 308).

ни концептуальным условием определения права. В таком ракурсе легитимность права будет лишь одним из многочисленных пунктов в рассуждениях о правовой политике. Все эти и многие другие ракурсы проблематики принятия права часто остаются в стороне, когда право и его обязывающая сила некритично выводятся из понятия «признание», в которое авторы соответствующих дискурсов закладывают различные и часто взаимоисключающие значения¹⁹.

4. Разновидности легитимации права

Легитимность права может проявляться, как минимум, в трех аспектах, которые, весьма вероятно, будут между собой расходиться в конкретных ситуациях: *субъектная*, *процедурная* и *содержательная* легитимность. Так, создание нормы права может приписываться легитимному или нелегитимному *субъекту*. Например, непопулярный президент издает указ, и могут возникнуть сомнения в легитимности этого совета по причине недостаточной социальной поддержки деятельности или личности президента в обществе. Процедурный дефект легитимности может возникнуть, если легитимный субъект издает правовой акт с нарушением установленной *процедуры*. Например, пользующийся народной поддержкой президент в социально оправданных целях борьбы с терроризмом в тайне от общества и от парламента издает указ о секретных тюрьмах. Легитимным или нелегитимным может быть некое решение или действие по своему *содержанию*. Например, отмена смертной казни или введение однополых браков законом, принимаемым легитимно избранным парламентом в рамках установленных процедур, если такой закон не поддерживается подавляющим большинством населения. В результате мы получаем многочисленные ситуации, в которых можно утверждать, что некий нормативный правовой акт легитимен и нелегитимен одновременно (например, акт имеет субъектную легитимность, но не обладает процедурной и содержательной легитимностью и т.п.).

В сочетании с тем, что термин «действие права» также может по-разному интерпретироваться теоретиками, не говоря

¹⁹ См., например: *Денисенко В.В.* Легитимность как характеристика сущности права: введение в теорию. М., 2014. См. удачный критический разбор данной работы: *Честнов И.Л.* Проблема легитимности права: размышления на полях монографии В.В. Денисенко «Легитимность как характеристика сущности права» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 6. С. 257—267.

уже о полисемантизме термина «право», это приводит к многовариантности связи легитимности и действия права, и только добавляет путаницы в рассуждения об источниках обязывающей силы права. Чтобы не усложнять изложение, мы будем исходить из условного понимания терминов «право» и «действие права». В качестве рабочего определения права в целях настоящей работы мы принимаем нормативный порядок, действие которого обеспечено организованным социальным принуждением. Это условное определение позволяет предварительно отграничить право от смежных нормативных систем — морали, религии, этикета и проч., в которых принуждение не имеет первостепенного значения или не носит организованный характер. Данное определение не конструируется здесь как исключительно позитивистское, т.е. отрицающее связь права и морали — определение права как принудительного порядка не исключает того, что в качестве условия правомерности этой принудительности будут выступать некие позитивные (например, социальное признание и т.п.) или надпозитивные (например, моральная обоснованность, справедливость и т.п.) критерии.

Позитивистские теории могут считать признание условием существования правового регулирования, что наиболее характерно проступает в «правиле признания» Г. Харта либо же в минимуме эффективности (действенности) права как условия действительности права у Г. Кельзена²⁰. Непозитивистские теории приводят примерно к тем же выводам. Если понимать право как эманацию вечного, разумного, природного порядка, то легитимной (правильной) будет только та часть позитивного права, которая соответствует предписаниям права естественного, тогда как все остальное позитивное право будет лишь искажением истинного права, недостойным самого названия «право». Поэтому признание или одобрение со стороны населения критерием наличия обязывающей силы у права для Аристотеля, Фомы Аквинского и их последователей не выступает. Несомненно, это относится и к демократическим законам, принятым и поддерживаемым большинством населения — они не будут иметь юридической силы, если не соответствуют надзаконным критериям, видение и понимание которых может быть доступно только меньшинству.

²⁰ См.: Булыгин Е.В. Действительное право и право действующее / Пер. с англ. С.И. Максимова // Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права. СПб., 2016. С. 209—221.

Таким образом, юридическая теория легитимности приводит к отождествлению «легитимного права» и «правильного» (действующего) права, в связи с чем понятие «легитимность права» оказывается избыточным понятием применительно к понятию «действующее право» (в позитивизме) или к понятию «хорошее право» (естественное, разумное и т.п.) в непозитивистских доктринах.

Если понятие права основано на надпозитивных критериях, то рассуждения о легитимности права в значительной степени лишаются теоретического смысла — применительно к легитимности в праве речь зачастую идет о тех же самых критериях, что и критерии правильного (разумного, естественного и т.п.) права, так что происходит неоправданное дублирование понятий²¹. С точки зрения непозитивистской философии права либо нормативный порядок легитимирован как «право» за счет связи со справедливостью, разумом, демократией и другими ценностями, либо этот порядок «правом» концептуально не является. Теоретическая избыточность рассуждений о легитимности права в этом контексте заключается в том, что если право определяется непозитивистами как нечто *признанное* людьми в качестве справедливого порядка или в качестве иной ценности, то и легитимность (понимаемая в качестве такого *признания*) будет в таких концепциях выступать как необходимый признак действующего права.

Обязывающая сила или действительность права будет рассматриваться далее как вменение адресату предписания обязанности следовать норме²². Это вменение предполагает проведение фило-

²¹ В этом смысле С.В. Черниченко корректно заметил, что «легитимность — понятие естественно-правовое и имеет нравственные корни, наиболее стабильные, наиболее “высокие” нормы человеческой морали в своей основе» (Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. М., 2009. С. 745).

²² Мы воздерживаемся здесь от дальнейшего анализа понятия «действительность права» и допускаем, что для некоторых авторов это понятие может включать не только обязывающую силу (валидность) права, но и социальную эффективность и моральную (рациональную) обоснованность права (см., например: Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Пер. с нем. А. Лаптева, Ф. Кальшойера. М., 2011. С. 105). О разграничении этих аспектов см.: Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 298—299; Варламова Н.В. Нормативность права: проблемы интерпретации // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 76—115; Тимошина Е.В. Право без суверена: проблема действительности права в юридическом позитивизме XX в. // Право и государство. 2015. № 4. С. 86—93; Васильева Н.С.

софско-правового разграничения между фактическим и нормативным принуждением. В первом случае эффект подчинения поведения одного человека воле другого человека (института)²³ достигается за счет прямой или косвенной угрозы применения силы или других мер принуждения, тогда как во втором случае этот эффект достигается посредством постулирования обязанности одного человека подчиниться воле другого (и эта обязанность снабжается санкцией на случай ее нарушения): традиционное философско-правовое противопоставление вооруженного грабителя и налогового инспектора наглядно иллюстрирует это различие. Суть обязывающей силы проявляется в системе представлений о долге, обязательстве, связанности поведения человека нормами и правилами — именно эта система представлений, а не фактическое принуждение является источником нормативности²⁴.

Далее, мы должны ограничить легитимность от процесса легитимации, который создает новые значения, служащие для интеграции тех значений, которые уже свойственны различным институциональным процессам. По определению П. Бергера и Т. Лукмана «функция легитимации заключается в том, чтобы сделать объективно доступными и субъективно вероятными уже

Проблема действительности права в антиметафизической традиции (концепция Альфа Росса) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 3. С. 396—414.

²³ Речь идет о ситуациях, когда акт воли приписывается государству или иному социальному институту.

²⁴ Отметим попутно, что здесь для нас не значимы возражения, выдвигаемые в рамках тех теоретико-правовых направлений, которые отрицают разницу между нормативным и фактическим принуждением и, в частности, границу между правом и силой. Например, реалисты, утверждая, что нормы и обязанности суть пустотелые понятия, при помощи которых люди убеждают себя самих в наличии неких связывающих их поведение границ (*Оливекрона К.* Право как факт / Пер. с англ. Е.Ю. Таранченко // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / Под ред. А.В. Полякова. СПб., 2009. С. 669—752). А некоторые социологически ориентированные правоведы (в частности, Георг Еллинек) выводят «нормативную силу фактического» непосредственно из факта властвования, отрицая наличие особой нормативной рациональности в праве: «Искать основания нормативной силы фактического в его сознательной или бессознательной разумности было бы совершенно превратно... Самим фактическим отношениям присуща нормативная сила: эти отношения должны порождать убеждение, что фактические отношения господства должны быть признаваемы и как правовые» (*Еллинек Г.* Общее учение о государстве / Пер. с нем. В.М. Гессена, Л.В. Шалланда. СПб., 2004. С. 169, 171).

институционализованные объективации»²⁵. В этом плане под легитимацией права можно понимать идеологические программы, направленные на укрепление доверия и уважения к праву, на повышение правовой культуры, и другие приемы, имеющие цель оказать влияние на формирование поведенческих предпочтений адресатов правовых норм. Понимаемая в данном контексте легитимация является одним из приемов усиления действенности (эффективности) права, но как таковая она концептуальной связи с действием права не имеет и выступает лишь как прием достижения или укрепления его легитимности.

5. Генезис дискурса о легитимности

Трактовка «легитимности» как обоснованности власти и создаваемого ею права в силу ее поддержки населением сформировалась достаточно поздно — мы не находим ее ни у античных авторов, ни в Средневековье, ни у мыслителей Нового времени. Идея о правильной форме правления присутствовала на всех этих исторических этапах развития правовой мысли, но такая «правильность» не определялась путем оценки степени поддержки власти и ее установлений со стороны населения. В большинстве случаев философы понимали правильное правление как правомерное властвование, т.е. основанное на законе, в отличие от неправильных форм, где власть осуществляется вне правовых рамок (включая и демократию, которую многие античные философы недолюбливали), по усмотрению властителей. Современный американский политический философ Артур Эпплбаум находит первые интеллектуальные попытки обосновать идею морально правильного, одобряемого населением правления только в политической мысли Франции конца XVI в.²⁶

До Макса Вебера термин «легитимность» в его превалирующем употреблении (например, в XIX в. во время Венского конгресса) совпадал по смыслу со значением правомерного или за-

²⁵ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование действительности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевича. М., 1995. С. 150.

²⁶ См.: *Appelbaum A.I. Legitimacy Without the Duty to Obey // Philosophy and Public Affairs*. 2010. Vol. 38. Iss. 3. P. 215—239. См. также: *Завершинский К.Ф.* Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 113—131; *Денисенко В.В.* О понимании термина «легитимность» как категории правопедания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 2. С. 104—110.

конного властвования. Если обратиться к этимологическому значению понятия «легитимность», оно указывает на «законы» (*lege*), откуда *legitimus* суть свойство законного правления. Если бы использование рассматриваемого термина ограничивалось только его этимологическим значением, то ответ на наш вопрос (соотношение легитимности и действительности права) был бы достаточно тривиальным — легитимным будет то право, которое установлено согласно действующему правопорядку. Эту цепочку обоснования можно продолжать и далее, к предшествующему правопорядку, далее к первой конституции (основной норме) правопорядка. Иными словами, в этом юридическом ракурсе легитимное право и действующее право суть тождественные понятия. В этом плане сама по себе затея с выделением «легитимности» как критерия правомерности существующего правопорядка приводит только к удвоению понятий — именно на этом настаивал Ганс Кельзен в его известной полемике с Карлом Шмиттом конца 1920-х гг.²⁷ Напомним, что последний выводил обязанность подчинения праву из легитимности, понимаемой как ответственность права коллективным моральным идеалам народа²⁸, которые формулируются и выражаются сувереном.

В научном и практическом обиходе это *юридическое* значение легитимности не является единственным. Легитимность нормы права в политологическом и философском дискурсах нередко понимается как *обоснованность* этой нормы. Данный подход можно применить и к праву в целом: право будет легитимным, если у его адресатов есть основания следовать ему. Так, для Ю. Хабермаса легитимность означает, что существующие институты достойны и правомочны осуществлять власть для реализации основных социальных ценностей, а нормы заслуживают свободного признания со стороны каждого члена правового сообщества²⁹. Как было

²⁷ См.: Шмитт К. Гарант конституции // Шмитт К. Государство: право и политика / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова. М., 2016. С. 27—220; Кельзен Г. Кто должен быть гарантом конституции? // Там же. С. 359—410; Paulson S.L. Hans Kelsen and Carl Schmitt: Growing Discord, Culminating in the “Guardian” Controversy of 1931 // The Oxford Handbook on Carl Schmitt / Ed. by J. Meierhenrich, O. Simons. Oxford, 2014. P. 510—546.

²⁸ Эти идеалы отсылают к «огромному пласту социально-психологических представлений, связанных с историей, традицией, представлениями о будущем» (Шмитт К. Политическая теология / Пер. с нем. Ю. Коринца, А. Филлипова. М., 2000. С. 75).

²⁹ См.: Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. Л.В. Воропай. М., 2010. С. 125.

показано выше, эта и схожие по сути трактовки будут означать, что легитимное право суть правильное право, причем правильность может определяться по множеству различных критериев — от моральной корректности до экономической эффективности или коммуникативной рациональности. В данном контексте легитимность служит в качестве общей отсылки к тому или иному критерию «правильности» — с разных точек зрения легитимным будет экономически эффективное, морально оправданное, богоугодное и т.п. право.

Как представляется, ценности для изучения обязывающей силы права разговоры о «легитимности права» в этом случае не имеют, поскольку приводят к смешению различных ракурсов, в которых оценивается качество правового регулирования, а также к ситуации, когда могут выдвигаться взаимоисключающие суждения о легитимности. Например, морально правильная норма права (скажем, мораторий на смертную казнь) может быть легитимной в том смысле, что она направлена на общую пользу и отвечает универсальным моральным принципам, но нелегитимной в том смысле, что население эту норму не поддерживает, или в том смысле, что она не отвечает уровню культурного развития общества³⁰. Как и в случае с юридическим пониманием легитимности в аспекте естественно-правовой доктрины, это приводит к ненужному удвоению понятий («(не)правильное право» и «(не) легитимное право»).

В перспективе понимания легитимности как обоснованности в качестве критерия правильности права можно рассматривать связь правопорядка с определенным порядком властвования. В этом политологическом контексте часто говорят о «демократической легитимации», за этим кроется убеждение в том, что действующие в демократических режимах законы созданы «народом и для народа» и поэтому по определению являются легитимными, тогда как правопорядки недемократических стран по этой же причине (созданы «не народом и не для народа») являются нелегитимными³¹. Однако здесь нет места для увязывания легитимности с действием права. С одной стороны, подавляющее большинство юристов согласится с тем, что право существует и в

³⁰ В качестве примера можно вспомнить легендарную историю с введением смертной казни на Руси Великим князем Владимиром в X в.

³¹ См.: *Barker R. Democratic Legitimation: What Is It, Who Wants It, and Why? // Legitimacy in an Age of Global Politics. Transformations of the State / Ed. by A. Hurrelmann, S. Schneider, J. Steffek. L., 2007. P. 19—34.*

недемократических режимах, где его действие по большому счету не зависит от степени одобрения власти и создаваемых ею норм со стороны населения³². С другой стороны, нельзя исключить существование нелегитимного права в демократических государствах: в качестве примера можно привести современные дебаты о легитимности правовых норм Европейского союза в странах — членах ЕС, о легитимности создаваемого судьями права и проч.

Таким образом, во втором значении термин «легитимность права» имеет самостоятельное значение по отношению к понятию «действие права» и представляет собой оценочный критерий для установления связи между правопорядком и некоей политической идеологией или системой этических, религиозных или иных воззрений.

Еще одним измерением легитимности являются ее *социологические* показатели. М. Вебер предложил рассматривать легитимность в аспекте значимости в сознании индивидов существующего в обществе порядка господства. По Веберу, эта значимость (по сути, вера людей в правильность существующих властных институтов и их действий) создает у населения мотивы повиновения действиям и распоряжениям властей, так что чем больше степень значимости, тем сильнее эти мотивы и тем меньше усилий приходится предпринимать властям для реализации своей политики в обществе. Применительно к праву веберовская легитимность имеет значение для усиления действенности правового регулирования, хотя между степенью легитимности и эффективностью регулирования не всегда можно провести прямую зависимость.

В таком значении легитимность предстает как социальный факт поддержки норм права и всего правопорядка в целом со стороны населения. Различные международные рейтинги верховенства права, отношения к коррупции, доверия к правовой системе, как правило, воспроизводят эту логику легитимности. Именно такое понимание проступает в предложенном М. Вебером понимании легитимации как создания мотивов повиновения, «повышения шансов встретить повиновение определенному приказу». Здесь обоснование обязанности подчиняться нормам права зависит от того, как эта обязанность воспринимается большинством адресатов.

³² Ср.: *Dyzenhaus D. Hard Cases in Wicked Legal Systems: Pathologies of Legality*. 2nd ed. Oxford, 2010.

Если воспользоваться известной веберовской схемой³³, обязанность вести себя определенным образом (подчиняться норме) может создаваться либо за счет следования инерционному социальному развитию (*традиции*), либо в результате психологического подчинения харизме создателя правовых норм (такими *харизматическими* правотворцами могут потенциально стать не только личности, но и сословия, партии и т.п.), либо на основе прагматического (*рационального*) расчета на то, что следование нормам будет наиболее выгодным способом реализации личных интересов. Следовательно, если нормы права создаются лицами (или институтами), имеющими в той или иной форме легитимное господство над обществом, эти нормы (и право в целом) могут считаться легитимными, тогда как нормы права, создаваемые лицами (или институтами), которым адресаты подчиняются не по убеждению, а просто в силу фактического принуждения («власть команды», по Веберу), легитимными не являются. Легитимность здесь оказывается не свойством права и его норм, а *свойством институтов или лиц*, создающих право. И это свойство — всего лишь один из возможных ракурсов рассмотрения проблемы легитимности права.

Данный подход к пониманию легитимности права показывает его концептуальную несовместимость с вопросом о действительности права. Обязывающая сила права может оказаться зависимой от степени его признания со стороны адресатов только в одном случае — если предположить, что обязанность адресатов подчиняться нормам права является производной от количества адресатов, которые поддерживают правопорядок (доверяют ему, признают его ценность и т.п.). Поскольку ни один исторически известный правопорядок, за исключением систем обычного права, не рассматривал такое социологическое измерение в качестве условия обязательности норм права, нет никакой практической (вероятно, также и теоретической) ценности в установлении взаимосвязи между действием права и социологическим уровнем его поддержки со стороны адресатов норм. Хотя социологическая легитимность может иметь немалое значение для решения других вопросов юриспруденции: действенность (эффективность) права, качество правового регулирования и проч.

³³ См.: Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. I. Социология / Пер. с нем. В.А. Брун-Цехового, Л.Г. Ионина, И.А. Судариковой, А.Н. Беляева, Д.Б. Цыганкова. М., 2016. С. 252.

6. Заключение

Мы проанализировали несколько вариантов концептуального отношения между легитимностью права и действием права. Если исходить из *юридического* понятия легитимности как *правомерности*, то оперирование им ведет лишь к ненужному удвоению понятий (легитимность и легальность здесь совпадают). Понимание легитимности как *обоснованности* права и его норм представляет легитимность как *идеальное* измерение права. Но поскольку в большинстве теорий между оценочным суждением об обоснованности подчинения и юридическим суждением об обязанности подчинения нет необходимой взаимосвязи, то легитимность права выполняет роль, схожую с естественным правом, — служит критерием оценки качества права и ориентиром для его развития, а также — в некоторых философско-правовых концепциях — и надпозитивным критерием действительности права. Легитимность как *социальный* факт признания и поддержки права по большому счету оказывается концептуально независимой от понятия «действие права».

Итак, нам следует отказаться от *юридического* понимания легитимности как правомерности по причине его логической избыточности. С известными концептуальными оговорками можно принять третье, *дескриптивное* понимание легитимности права и согласиться с его применимостью в юриспруденции в целях анализа обязывающей силы права. Вместе с тем такое понимание будет иметь только ограниченную ценность, обнаруживая свою значимость только в двух крайних ситуациях — полного принятия и полного отторжения права адресатами. В обеих этих ситуациях право, при определенных обстоятельствах, перестанет действовать и будет заменено либо другими регуляторами, либо другим правом.

Труднее всего дело обстоит со вторым, *оценочным* пониманием легитимности как обоснованности, которое имеет прескриптивный характер. Здесь прослеживается возможная концептуальная связь между легитимностью и действительностью права, но в то же самое время выявляются опасности легитимирующего дискурса в праве. Этот дискурс основан на оценочных суждениях о том, какое право достойно того, чтобы быть принятым населением. Легитимация здесь выступает не как социальный факт (в *социологическом* ее измерении) и не как *концептуальный* признак права (применительно к *юридическому* измерению), а как *нормативное*

суждение о том, что правовые нормы с определенным содержанием (справедливые, полезные и т.п.), либо принятые в особом порядке (в рамках рационального дискурса, демократической процедуры и т.п.), либо созданные применительно к определенному политическому строю, являются таким правом, которое должно быть принято всеми разумными лицами.

Из этого нормативного суждения о том, что некоторые правовые нормы или правопорядки являются легитимными (в смысле обоснованности), легко вывести антилиберальные требования ограничения личной свободы в пользу публичного блага³⁴ и в своем логическом завершении означающие возврат к тому, что Бенжамен Констан назвал античным пониманием свободы, в котором акцентируются права индивида на участие в общественной жизни, но пренебрегают его правами на личное самоопределение. Так, если исходить из предположения, что некие правовые нормы легитимированы в обществе, то неприятие таких норм и сопротивление им будет вызовом этому легитимирующему социальному настрою (руссоистской «общей воле», «народному духу» историцистов или иным схожим метафизическим началам). Отсюда недалеко до вывода о том, что само такое несогласие является не легитимным и (используя парафразу идеи Ж.-Ж.Руссо) что несогласных нужно принудить к свободе.

Такое «легитимное право» может отличаться по содержанию от официального права и использоваться для обоснования обхода его норм во имя наиболее полной реализации «воли народа». История дает много таких примеров, в частности, перетолковывание законов Веймарской республики в годы нацистского правления в духе расистской идеологии, но без изменения их содержания — так называемое *Rechtserneurung*. Антилиберальность легитимирующего дискурса в праве отчетливо проявляется в работах коронного юриста Третьего Рейха, Карла Шмитта³⁵, ко-

³⁴ В этом плане показательна философия Ю. Хабермаса, отдающая приоритет «совместности жизнедеятельности людей (в противоположность относительной закрытости, обособленности частной жизни)» (*Мотрошилова Н. О лекциях Ю. Хабермаса в Москве и об основных понятиях его концепции // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 126*). См. замечательную критику попыток Ю. Хабермаса обосновать легитимность на стыке нормативности и фактичности (*Weinberger O. Legal Validity, Acceptance of Law, Legitimacy: Some Critical Comments and Constructive Proposals // Ratio Juris. 1999. Vol. 12. Iss. 4. P. 336—353*).

³⁵ См.: *Шмитт К. Легальность и легитимность // Шмитт К. Государство: право и политика / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова. М., 2016. С. 221—306*.

торый принижал значение общих норм права (правило, принцип легальности) по сравнению с усмотрением тех, кто выражает народные убеждения и пользуется поддержкой народа (исключение, принцип легитимности).

Это сомнительное «легитимное право» можно найти сегодня в рассуждениях о «европейском консенсусе» и других доктринах, отсылки к которым дают возможность Европейскому суду по правам человека или Суду ЕС оспаривать противоречащие им нормы национальных правовых порядков, что вызывает негативную реакцию соответствующих государств³⁶. Подобная риторика, хотя с противоположной, антилиберальной направленностью, проявляется и в аргументации российского Конституционного Суда, все чаще ссылающегося на многовековые, устоявшиеся моральные убеждения народа в целях отказа от либеральных гарантий прав меньшинств, закрепленных в конституционном и международном праве. Такое легитимное «право цивилизованных народов» выдвигается в международном праве в качестве обоснования отступлений от его норм³⁷. Весьма притягательно поддаются обаянию «переливающихся многоцветием под лучами солнца и трепещущих от дуновения ветра живых организмов права цивилизованных народов» (Эрнест Рабель)³⁸, но эти романтические метафоры могут легко привести к апологии нарушения позитивированных норм международного права во имя туманных идеалов и ценностных дискурсов³⁹. В этом отношении можно согласиться

³⁶ См.: *Варламова Н.В.* Проблемы институционализации наднационального уровня осуществления публично-властных полномочий // Труды Института государства и права РАН. 2014. № 6. С. 17–18; *Исполинов А.С.* Некоторые доктринальные итоги взаимодействия России с Европейским судом по правам человека // Государство и право. 2017. № 6. С. 26–34.

³⁷ В качестве примера приведем фразу из заявления Международной независимой комиссии по Косово о том, что «интервенция НАТО в Косово была нелегальной, но легитимной» (*The Kosovo Report: Conflict, International Response, Lessons Learned.* Oxford, 2000. P. 4). См. анализ идеологических основ языка легитимности в международном праве: *Этциони А.* Коммунитаризм как ключ к мировой легитимности / Пер. с англ. С.И. Петросяна // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал. 2012. № 2. URL: <http://www.политуправление.рф/arhiv/2012/02/Etzioni-Petrosyan.htm> (дата обращения: 12.05.2018).

³⁸ Цит. по: *Цвайгерт К., Кётц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / Пер. с нем. Ю.М. Юмашева. Т. 1. М., 2000. С. 53.

³⁹ См. также критику «туманного языка легитимации в праве» у Джеймса Кроуфорда: *Crawford J.* The Problems of Legitimacy-Speak // Proceedings of the ASIL Annual Meeting. 2004. Vol. 98. P. 271–273.

с Мартти Коскенниemi, что «легитимность суть посредственное слово, которое имеет успех только постольку, поскольку его можно прицепить или к формальным правилам, или к моральным принципам»⁴⁰. За счет семантической и смысловой многозначности использование этого концепта в праве может привести к сознательному манипулированию позитивным правом в целях утверждения той или иной идеологии, в предпочтении инструкций, разъяснений и прочих «мер» (в терминологии К. Шмитта) конституции и законам⁴¹.

В этой связи стоит с осторожным скептицизмом относиться к потугам некоторых российских исследователей представить легитимирующий дискурс... в праве и о праве как некое новое слово в философско-правовых исследованиях и ключ к преодолению теоретических и практических проблем правоведения⁴². Представляется, что этот дискурс способен внести еще большую концептуальную неопределенность в вопрос об источниках обязанности адресатов подчиняться нормам права и, что логически отсюда следует, о возможности судей и политических деятелей действовать за пределами позитивного права (в ситуации «исключения» из действия предположительно нелегитимных норм права).

Нетрудно понять причины притягательности легитимирующего дискурса, позволяющего оправдать обход позитивного права во имя высших идеологических начал⁴³ и в конечном счете обосновать децизионизм в праве. Но есть сомнения в ценности, практической и теоретической, акцентирования мнимой значимости этого дискурса, особенно в таких критических для философии права вопросах, как основания и условия действия права. Никакой добавочной «интеллектуальной стоимости» не создает и обсуждение условий действия норм права в терминах их «призна-

⁴⁰ Koskenniemi M. Miserable Comforters: International Relations as New Natural Law // *European Journal of International Law*. 2009. Vol. 15. No. 3. P. 409.

⁴¹ См.: Шмитт К. Легальность и легитимность (Послесловие к изданию 1958 года) / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова // *Социологическое обозрение*. 2013. Т. 12. № 3. С. 76—92. См. также: Назмутдинов Б.В. От «нормы» к «порядку»: эволюция правопонимания Карла Шмитта // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2016. № 1. С. 15—165.

⁴² См.: Шугуров М.В. Феномен легитимности права: философско-правовое осмысление // *Российский журнал правовых исследований*. 2015. № 1. С. 86—103.

⁴³ См.: Сендеров В.А. Тоталитарное мышление в России и Карл Шмитт // *Вопросы философии*. 2014. № 8. С. 167—175.

ния». Разве только что такое обсуждение позволяет некоторым авторам спрятать логическую непоследовательность своих рассуждений за ширму одного из сущностно оспоримых понятий, которым, несомненно, является «легитимность».

Как заметил немецкий философ Карл Ясперс, сама по себе концепция легитимности зиждется на вере⁴⁴; «легитимность подобна кудеснику, беспрестанно создающему необходимый порядок с помощью доверия»⁴⁵. Но эти «чудеса» доверия и взаимного признания не обязательно содействуют защите индивидуальной свободы: государство может использовать дискурс доверия и признания для подавления свободы, чему XX в. представил множество примеров⁴⁶.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алекси Р. Дуальная природа права / Пер. с англ. С.И. Максимова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 2. С. 138—152.

Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Пер. с нем. А. Лаптева, Ф. Кальшойера. М.: Инфотропик Медиа, 2011.

Алекси Р. Юридическая аргументация как рациональный дискурс / Пер. с нем. М.В. Антонова // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / Под ред. А.В. Полякова. СПб: ООО «Университетский издательский консорциум “Юридическая книга”», 2009. С. 440—456.

Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / Пер. с фр. С. Рындина // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2011. № 3. С. 14—58.

Антонов М.В. О позитивистских подходах к пониманию формального равенства и конститутивной роли социального признания // Принцип формального равенства и взаимное признание права / Отв. ред. В.В. Лапаева, А.В. Поляков, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2016. С. 86—95.

⁴⁴ «На основе веры люди создают законы, подчиняющие себе власть, формируется легитимность, без которой нет ничего надежного, становится самим собой человек, подчиняясь необходимым требованиям» (*Ясперс К.* Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.И. Левиной. М., 1991. С. 232).

⁴⁵ Там же. С. 172.

⁴⁶ «Чудом становится то, во что суверенная государственная власть приказывает верить как в чудо; но и наоборот: чудеса прекращаются, когда государство их запрещает» (*Шмитт К.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа / Пер. с нем. Д.В. Кузницына. М., 2006. С. 187).

Антонов М.В. Обязывающая сила права как коллективно-психологическое явление? // Проблемы методологии и философии права / Отв. ред. С.Н. Касаткин. Самара: СГУ, 2016. С. 56—67.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование действительности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевича. М.: «Медиум», 1995.

Булыгин Е.В. Действительное право и право действующее / Пер. с англ. С.И. Максимова // Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2016. С. 209—221.

Варламова Н.В. Нормативность права: проблемы интерпретации // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 76—115.

Варламова Н.В. Проблемы институционализации наднационального уровня осуществления публично-властных полномочий // Труды Института государства и права РАН. 2014. № 6. С. 8—34.

Васильева Н.С. Проблема действительности права в антиметафизической традиции (концепция Альфа Росса) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 3. С. 396—414. DOI: 10.22363/2313-2337-2017-21-3-396-414

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. I. Социология / Пер. с нем. В.А. Брун-Цехового, Л.Г. Ионина, И.А. Судариковой, А.Н. Беляева, Д.Б. Цыганкова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права: введение в теорию. М.: Юрлитинформ, 2014.

Денисенко В.В. О понимании термина «легитимность» как категории правопведения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 2. С. 104—110.

Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 113—131.

Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. IV. М.: Русская книга, 1994. С. 149—414.

Исполинов А.С. Некоторые доктринальные итоги взаимодействия России с Европейским судом по правам человека // Государство и право. 2017. № 6. С. 26—34.

Кельзен Г. Кто должен быть гарантом конституции? // Шмитт К. Право и политика / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова. М.: Территория будущего, 2013. С. 359—410.

Кельзен Г. Чистое учение о праве: введение в проблематику науки о праве / Пер. с нем. М.В. Антонова // Российский ежегодник теории права. № 4. 2011 / Под ред. А.В. Полякова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. С. 430—511.

Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / Пер. с нем., англ., фр.; сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.

Локк Дж. Два трактата о правлении. Сочинения в трех томах. Т. 3 / Пер. с англ. и лат. Ю.М. Давидсона, Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова, Н.А. Федорова и др. М.: Мысль, 1988.

Максимов Л.В. «Гильотина Юма»: pro et contra // Этическая мысль. 2012. № 12. С. 124—142.

Мелкевик Б. Легитимность и права человека / Пер. с фр. В.А. Токарева // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 6. С. 55—65.

Мотрошилова Н. О лекциях Ю. Хабермаса в Москве и об основных понятиях его концепции // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: АО «КАМИ»; Издательский центр Academia, 1995. С. 113—165.

Назмутдинов Б.В. От «нормы» к «порядку»: эволюция правопонимания Карла Шмитта // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 1. С. 150—165.

Оливекрона К. Право как факт / Пер. с англ. Е.Ю. Таранченко // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / Под ред. А.В. Полякова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум “Юридическая книга”», 2009. С. 669—752.

Эллинек Г. Общее учение о государстве / Пер. с нем. В.М. Гессена, Л.В. Шалланда. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004.

Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм // Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. С. 32—181.

Поппер К.Р. Открытое общество и его враги / Пер. с англ. В.В. Келле, А.В. Карташова, К.Л. Викторовой, В.Н. Брюшинкина. В 2 т. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

Ролз Дж. Теория справедливости / Пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995.

Сендеров В.А. Тоталитарное мышление в России и Карл Шмитт // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 167—175.

Тимошина Е.В. Право без суверена: проблема действительности права в юридическом позитивизме XX в. // Право и государство. 2015. № 4. С. 86—93.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. С.В. Шачина. СПб.: Наука, 2001.

Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. Л.В. Воропай. М.: Праксис, 2010.

Цвайгерт К., Кётиц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / Пер. с нем. Ю.М. Юмашева. Т. 1. М.: Международные отношения, 2000.

Черниченко С.В. Очерки по философии и международному праву. М.: ДА МИД, 2009.

Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2012.

Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 2. С. 4—16.

Честнов И.Л. Проблема легитимности права: размышления на полях монографии В.В. Денисенко «Легитимность как характеристика сущности права» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 6. С. 257—267.

Шмитт К. Гарант конституции // Шмитт К. Государство: право и политика / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова. М.: Территория будущего, 2016. С. 27—220.

Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа / Пер. с нем. Д.В. Кузницына. М.: «Владимир Даль», 2006.

Шмитт К. Легальность и легитимность (Послесловие к изданию 1958 года) / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 76—2.

Шмитт К. Легальность и легитимность // Шмитт К. Государство: право и политика / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова. М.: Территория будущего, 2016. С. 221—306.

Шмитт К. Политическая теология / Пер. с нем. Ю. Коринец, А. Филиппова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.

Шугуров М.В. Феномен легитимности права: философско-правовое осмысление // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1. С. 86—103.

Этциони А. Коммунитаризм как ключ к мировой легитимности / Пер. с англ. С.И. Петросяна // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал. 2012. № 2. URL: <http://www.политуправление.рф/arhiv/2012/02/Etzioni-Petrosyan.htm> (дата обращения: 12.05.2018).

Юм Д. Трактат о человеческой природе. Т. 2 / Пер. с англ. С.И. Церетели. М.: Канон, 1995.

Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Политиздат, 1991.

Applbaum A.I. Legitimacy Without the Duty to Obey // Philosophy and Public Affairs. 2010. Vol. 38. Iss. 3. P. 215—239. DOI: 10.1111/j.1088-4963.2010.01186.x

Barker R. Democratic Legitimation: What Is It, Who Wants It, and Why? // Legitimacy in an Age of Global Politics. Transformations of the State / Ed. by A. Hurrellmann, S. Schneider, J. Steffek. London: Palgrave Macmillan, 2007. P. 19—34. DOI: 10.1057/9780230598393_2

Crawford J. The Problems of Legitimacy-Speak // Proceedings of the ASIL Annual Meeting, 2004. Vol. 98. P. 271—273. DOI: 10.1017/S0272503700061425

Dyzenhaus D. Hard Cases in Wicked Legal Systems: Pathologies of Legality. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2010.

The Kosovo Report: Conflict, International Response, Lessons Learned. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Koskenniemi M. Miserable Comforters: International Relations as New Natural Law // European Journal of International Law. 2009. Vol. 15. No. 3. P. 395—422. DOI: 10.1177/1354066109338229

Paulson S.L. Hans Kelsen and Carl Schmitt: Growing Discord, Culminating in the “Guardian” Controversy of 1931 // The Oxford Handbook on Carl Schmitt / Ed. by J. Meierhenrich, O. Simons. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 510—546. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199916931.013.34

Thomas C.A. The Uses and Abuses of Legitimacy in International Law // Oxford Journal of Legal Studies. 2014. Vol. 34. Iss. 4. P. 729—758. DOI: 10.1093/ojls/gqu008

Weinberger O. Legal Validity, Acceptance of Law, Legitimacy: Some Critical Comments and Constructive Proposals // Ratio Juris. 1999. Vol. 12. Iss. 4. P. 336—353. DOI: 10.1111/1467-9337.00129

REFERENCES

(2000). *The Kosovo Report: Conflict, International Response, Lessons Learned*. Oxford: Oxford University Press.

Alexy, R. (1992). *Begriff und Geltung des Rechts*. Freiburg: Karl Alber. (in Germ.) [Russ. ed.: Alexy, R. (2011). *Ponyatie i deistvitel'nost' prava (otvet yuridicheskomu pozitivizmu)* [The Concept and Validity of Law. A Reply to Legal Positivism]. Translated from German by A. Laptev and F. Kal'shoier. Moscow: Infotropik Media].

Alexy, R. (2003). Die juristische Argumentation als rationale Diskurs. In: Alexy R., Koch H.-J., Kuhlen L. and Rüßmann H. *Elemente einer juristischen Begründungslehre*. Baden-Baden: Nomos, pp. 113—122. (in Germ.) [Russ. ed.: Alexy, R. (2009). Yuridicheskaya argumentatsiya kak ratsional'nyi diskurs [A Theory of Legal Argumentation. The Theory of Rational Discourse as Theory of Legal Justification]. Translated from German by by M.V. Antonov. In: A.V. Polyakov, ed. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of Theory of Law]. Issue 1. Saint Petersburg: OOO “Universitetskii izdatel'skii konsortium ‘Yuridicheskaya kniga’”, pp. 440—456].

Alexy, R. (2009). The Dual Nature of Law. In: X. Xianming, Zh. Yongliu and Y. Bei, eds. *Global Harmony and Rule of Law*. Papers for Plenary Session of the 24th IVR World Congress. Beijing: China Legal Publishing House, pp. 257—274. [Russ. ed.: Alexy, R. (2010). *Dual'naya priroda prava*. Translated from English by S.I. Maksimov. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie], (2), pp. 138—152].

Althusser, L. (1976). *Idéologie et appareils idéologiques d'Etat* (Notes pour une recherche). Paris: Les Éditions sociales. (in Fr.) [Russ. ed.: Althusser, L. (2011). *Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya)* [Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes Towards an Investigation)]. Translated from French by S. Ryndin. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency Ration: Debates on Politics and Culture], (3), pp. 14—58].

Antonov, M.V. (2016). O pozitivistskikh podkhodakh k ponimaniyu formal'nogo ravenstva i konstitutivnoi roli sotsial'nogo priznaniya [On Positivist Approaches to Understanding of Formal Equality and the Constitutive Role of Social Recognition]. In: V.V. Lapaeva, A.V. Polyakov and V.V. Denisenko, eds. *Printsip formal'nogo ravenstva i vzaimnoe priznanie prava* [The Principle of Formal Equality and Mutual Recognition in Law]. Moscow: Prospekt, pp. 86—95. (in Russ.).

Antonov, M.V. (2016). Obyazyvayushchaya sila prava kak kollektivno-psikhologicheskoe yavlenie? [The Binding Force of Law as a Collective-Psychological Phenomenon?]. In: S.N. Kasatkin, ed. *Problemy metodologii i filosofii prava* [Problems of Methodology and Philosophy of Law]. Samara: Samarskii gosudarstvennyi universitet, pp. 56—67. (in Russ.).

Applbaum, A.I. (2010). Legitimacy Without the Duty to Obey. *Philosophy and Public Affairs*. 38(3), pp. 215—239. DOI: 10.1111/j.1088-4963.2010.01186.x

Barker, R. (2007). Democratic Legitimation: What Is It, Who Wants It, and Why? In: A. Hurrelmann, S. Schneider and J. Steffek, eds. *Legitimacy in an Age of Global Politics. Transformations of the State*. London: Palgrave Macmillan, pp. 19—34. DOI: 10.1057/9780230598393_2

Berger, P.L. and Luckmann, T. (1966). *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. Garden City; New York: Doubleday. [Russ. ed.: Berger, P.L. and Luckmann, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye deistvitel'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Translated from English by E. Rutkevich. Moscow: "Medium"].

Bulygin, E.V. (2015). Valid Law and Law in Force. In: C. Bernal, C. Huerta, T. Mazzarese, J.J. Moreso, P.E. Navarro and S.L. Paulson, eds. *Essays in Legal Philosophy: Eugenio Bulygin*. Oxford: Oxford University Press, pp. 284—292. [Russ. ed.: Bulygin, E.V. (2016). *Deistvitel'noe pravo i pravo deistvuyushchee*. Translated from English by S.I. Maksimov. In: Bulygin, E.V. *Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava* [Essays in Legal Theory and Legal Philosophy]. Saint Petersburg: Izdatel'skii dom "Alef-Press", pp. 209—221].

Chernichenko, S.V. (2009). *Ocherki po filosofii i mezhdunarodnomu pravu* [Essays on Philosophy and International Law]. Moscow: Diplomaticeskaya akademiya MID. (in Russ.).

Chestnov, I.L. (2002). Pravoponimanie v epokhu postmoderna [Legal Conception in the Post-Modern Epoch]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie], (2), pp. 4—16. (in Russ.).

Chestnov, I.L. (2012). *Postklassicheskaya teoriya prava* [Postclassical Theory of Law]. Saint Petersburg: Izdatel'skii dom "Alef-Press". (in Russ.).

Chestnov, I.L. (2014). Problema legitimnosti prava: razmyshleniya na polyakh monografii V.V. Denisenko "Legitimnost' kak kharakteristika sushchnosti prava" [Problem of Legitimacy of Law: Reflections "On the Margins" of V.V. Denisenko's Monograph "Legitimacy as a Characteristics of the Essence of Law"]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie], (6), pp. 257—267. (in Russ.).

Crawford, J. (2004). The Problems of Legitimacy-Speak. *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*, 98, pp. 271—273. DOI: 10.1017/S0272503700061425

Denisenko, V.V. (2011). O ponimanii termina "legitimnost'" kak kategorii pravovedeniya [About the Understanding of the Term "Legitimacy" as a Jurisprudence Category Comprehension]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law], (2), pp. 104—110. (in Russ.).

Denisenko, V.V. (2014). *Legitimnost' kak kharakteristika sushchnosti prava: vvedenie v teoriyu* [Legitimacy as a Characteristic of the Essence of Law: An Introduction to the Theory]. Moscow: Yurlitinform. (in Russ.).

Dyzenhaus, D. (2010). *Hard Cases in Wicked Legal Systems: Pathologies of Legality*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.

Etzioni, A. (2011). On Communitarian and Global Sources of Legitimacy. *The Review of Politics*, 73(1), pp. 105—122. DOI: 10.1017/S0034670510000884 [Russ. ed.: Etzioni, A. (2012). Kommunitarizm kak klyuch k mirovoi legitimnosti. Translated from English by S.I. Petrosyan. *Politicheskoe upravlenie: nauchnyi informatsionno-obrazovatel'nyi elektronnyi zhurnal* [Political Management: Scientific Information and Education Web Journal], (2). [online]. Available at: <http://www.политуправление.рф/архив/2012/02/Etzioni-Petrosyan.htm> [Accessed 12 May 2017]].

Habermas, J. (1973). *Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. (in Germ.) [Russ. ed: Habermas, J. (2010). *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma* [Legitimation Problems in Late Capitalism]. Traslated from German by L.V. Voropai. Moscow: Praxis].

Habermas, J. (1983). *Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. (in Germ.) [Russ. ed: Habermas, J. (2001).

Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie [Moral Consciousness and Communicative Action]. Translated from German by S.V. Shachin. Saint Petersburg: Nauka].

Hume, D. (1739—1740) *A Treatise of Human Nature: Being an Attempt to Introduce the Experimental Method of Reasoning into Moral Subjects*. London: Printed for John Noon. [Russ. ed.: Hume, D. (1995). *Traktat o chelovecheskoi prirode*. Volume 2. Translated from English by S.I. Tsereteli. Moscow: Kanon].

Il'in, I.A. (1994). O sushchnosti pravosoznaniya [On the Essence of Legal Consciousness]. In: Il'in, I.A. *Sobranie sochinenii v desyati tomakh* [Collected Works in Ten Volumes]. Volume IV. Moscow: Russkaya kniga, pp. 149—414. (in Russ.).

Ispolinov, A.S. (2017). Nekotorye doktrinal'nye itogi vzaimodeistviya Rossii s Evropeiskim sudom po pravam cheloveka [Some Doctrinal Results of the Interaction of Russia with the European Court of Human Rights]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], (6), pp. 26—34. (in Russ.).

Jaspers, K. (1949). *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*. München: Piper. (in Germ.) [Russ. ed.: Jaspers, K. (1991). *Smysl i naznachenie istorii* [The Meaning and Purpose of History]. Translated from German by M.I. Levina. Moscow: Politizdat].

Jellinek, G. (1900). *Allgemeine Staatslehre*. Berlin: O. Häring. (in Germ.) [Russ. ed.: Jellinek, G. (2004). *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General Theory of the State]. Translated from German by V.M. Gessen and L.V. Shalland. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr-Press].

Kelsen, H. (1931). *Wer soll der Hüter der Verfassung sein?* Berlin—Grunewald: W. Rothschild. (in Germ.) [Russ. ed.: Kelsen, H. (2013). Kto dolzhen byt' garantom Konstitutsii? [Who Ought to Be the Guardian of the Constitution?]. In: Schmitt, C. *Gosudarstvo: Pravo i politika* [State: Law and Politics]. Translated from German by O.V. Kil'dyushov. Moscow: "Territoriya budushchego", pp. 359—410].

Kelsen, H. (1934). *Reine Rechtslehre: Einleitung in die rechtswissenschaftliche Problematik*. Leipzig; Wien: Franz Deuticke. (in Germ.) [Russ. ed.: Kelsen, H. (2012). *Chistoe uchenie o prave: vvedenie v problematiku nauki o prave* [The Pure Theory of Law: An Introduction to the Problems of Legal Theory]. Translated from German by M.V. Antonov. In: A.V. Polyakov, ed. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of Theory of Law]. Issue 4. Saint Petersburg: OOO "Universitetskii izdatel'skii konsortsiy" 'Yurid

Kelsen, H. (2015). *Chistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo* [Pure Theory of Law, Justice and Natural Law]. Translated from German, English and French by M.V. Antonov. Saint Petersburg: Alef-Press. (in Russ.).

Koskenniemi, M. (2009). Miserable Comforters: International Relations as New Natural Law. *European Journal of International Law*, 15(3), pp. 395—422. DOI: 10.1177/1354066109338229

Locke, J. (1698). *Two Treatises of Government: In the Former, the False Principles and Foundation of Sir Robert Filmer, and His Followers, are Detected and Overthrown: the Latter is an Essay Concerning the True Original, Extent, and End of Civil-government*. London: Printed for Awynsham and John Churchill. [Russ. ed.: Locke, J. (1988). Dva traktata o pravlenii [Two Treatises of Government]. In: Locke, J. *Sochineniya v trekh tomakh*. [Works in Three Volumes]. Volume 3. Translated from English and Latin by Yu.M. Davidov, E.S. Lagutin, Yu.V. Semenov, N.A. Fedorov et al. Moscow: Mysl’].

Maksimov, L.V. (2012). “Gil’otina Yuma”: pro et contra [Hume’s Guillotine: Pro et contra]. *Eticheskaya mysl’* [Ethical Thought], (12), pp. 124—142. (in Russ.).

Melkevich, B. (2003). Légitimité et droits de l’homme. In: J. Ferrand and H. Petit, eds. *L’Odyssée des Droits de l’homme. Enjeux et perspectives des droits de l’homme*. Volume III. Paris: L’Harmattan, pp. 213—222. (in Fr.) [Russ. ed.: Melkevich, B. (2014). Legitimnost’ i prava cheloveka [Legitimacy and Human Rights]. Translated from French V.A. Tokarev. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie], (6), pp. 55—65].

Motroshilova, N. (1995). O lektsiyakh Yu. Khabermasa v Moskve i ob osnovnykh ponyatiyakh ego kontseptsii [On Habermas Lectures in Moscow and the Basic Notions of His Concept]. In: Habermas, J. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost’*. *Moskovskie lektsii i interv’yuu* [Democracy. Reason. Morality. Moscow Lectures and Interviews]. Moscow: AO “KAMI”; Izdatel’skii tsentr Academia, pp. 113—165. (in Russ.).

Nazmutdinov, B.V. (2016). Ot “normy” k “poryadku”: evolyutsiya pravo-ponimaniya Karla Shmitta [From “Norm” to “Legal Order”: Evolution of Carl Schmitt’s Understanding of Law]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie], (1), pp. 150—165. (in Russ.).

Olivecrona, K. (1939). *Law as Fact*. London: Stevens & Sons. [Russ. ed: Olivecrona, K. (2009). Pravo kak fakt. Translated from English by E.Yu. Taranchenko. In: A.V. Polyakov, ed. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of Theory of Law]. Issue 1. Saint Petersburg: OOO “Universitetskii izdatel’skii konsortsiium ‘Yuridicheskaya kniga’», pp. 669—752].

Pashukanis, E.B. (1980). Obschaya teoriya prava i marksizm [Toward a General Theory of Law and Marxism]. In: Pashukanis, E.B. *Izbrannye proizvedeniya po obshchei teorii prava i gosudarstva* [Selected Writings on the General Theory of Law and State]. Moscow: Nauka, pp. 32—181. (in Russ.).

Paulson, S.L. (2014). Hans Kelsen and Carl Schmitt: Growing Discord, Culminating in the “Guardian” Controversy of 1931. In: J. Meierhenrich and O. Simons, eds. *The Oxford Handbook on Carl Schmitt*. Oxford: Oxford University Press, pp. 510—546. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199916931.013.34

Popper, K.R. (1966). *The Open Society and Its Enemies*. In 2 Vols. 5th ed. London: Routledge & K. Paul. [Russ. ed.: Popper, K.R. (1992). *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi*. Translated from English by V.V. Kelle, A.V. Kartashov, K.L. Viktorova and V.N. Bryushinkin. In 2 Vols. Moscow: Feniks; Mezhdunarodnyi fond “Kul'turnaya initsiativa”].

Rawls, J.A. (1971). *Theory of Justice*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press. [Russ. ed.: Rawls, J.A. (1995). *Teoriya spravedlivosti*. Translated from English by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta].

Schmitt, C. (1922). *Politische Theologie: Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität*. München: Duncker & Humblot. (in Germ.) [Russ. ed.: Shmitt, C. (2000). *Politicheskaya teologiya* [Political Theology]. Translated from German by Yu. Korinets and A. Filippov. Moscow: Kanon-Press-Ts].

Schmitt, C. (1932). *Legalität und Legitimität*. München: Duncker & Humblot. (in Germ.) [Russ. ed.: Shmitt, C. (2016). *Legal'nost' i legitimost'* [Legality and Legitimacy]. In: Schmitt, C. *Gosudarstvo: pravo i politika* [The State: Law and Politics]. Translated from German by O.V. Kil'dyushov. Moscow: Territoriya budushchego, pp. 221—306].

Schmitt, C. (1958). *Legalität und Legitimität*. In: Schmitt, C. *Verfassungsrechtliche Aufsätze aus den Jahren 1924—1954*. Berlin: Duncker & Humblot, pp. 345—350. (in Germ.) [Russ. ed: Schmitt, C. (2013). *Legal'nost' i legitimost'* (Posleslovie k izdaniyu 1958 goda) [Legality and Legitimacy (1958 Edition Afterword)]. Translated from German A.F. Filippov. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 11(3), pp. 76—92].

Schmitt, C. (1982). *Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes. Sinn und Fehlschlag eines politischen Symbols. Mit einem Anhang sowie mit einem Nachwort des Herausgebers*. Köln: Hohenheim. (in Germ.) [Russ. ed.: Shmitt, C. (2006). *Leviatan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa. Smysl i fiasko odnogo politicheskogo simvola* [The Leviathan in the Thomas Hobbes' Theory of State: Meaning and Failure of a Political Symbol]. Translated from German by D.V. Kuznitsyn. Moscow: “Vladimir Dal”].

Schmitt, C. (1929). *Der Hüter der Verfassung*. Tübingen: Mohr. (in Germ.) [Russ. ed.: Schmitt, C. (2016). *Garant konstitutsii* [The Guarantor of Constitution]. In: Schmitt, C. *Gosudarstvo: pravo i politika* [The State: Law and Politics]. Translated from German by O.V. Kil'dyushov. Moscow: Territoriya budushchego, pp. 27—220].

Senderov, V.A. (2014). Totalitarnoe myshlenie v Rossii i Karl Shmitt [The Totalitarian Thought in Russia and Carl Schmitt]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], (8), pp. 167—175. (in Russ.).

Shugurov, M.V. (2015). Fenomen legitimnosti prava: filosofsko-pravovoe osmyslenie [The Phenomenon of the Legitimacy of Law: Philosophical and Le-

gal Interpretation]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniï* [Russian Journal of Legal Studies], (1), pp. 86—103. (in Russ.).

Thomas, C.A. (2014). The Uses and Abuses of Legitimacy in International Law. *Oxford Journal of Legal Studies*, 34(4), pp. 729—758. DOI: 10.1093/ojls/gqu008

Timoshina, E. (2015). Pravo bez suverena: problema deistvitel'nosti prava v yuridicheskom pozitivizme XX v. [Law without Sovereign: The Problem of Legal Validity of the Twentieth Century Legal Positivism]. *Pravo i gosudarstvo* [Law and State], (4), pp. 86—93. (in Russ.).

Varlamova, N. V. (2013). Normativnost' prava: problemy interpretatsii [The Normative Substance of Law: Problems of Interpretation]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS], (4), 76—115. (in Russ.).

Varlamova, N.V. (2014). Problemy institutsionalizatsii nadnatsional'nogo urovnya osushchestvleniya publichno-vlastnykh polnomochii [Problems of Institutionalization of the Supranational Level of Public Power]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law], (6), pp. 8—34. (in Russ.).

Vasilyeva, N.S. (2017). Problema deistvitel'nosti prava v antimetafizicheskoi traditsii (kontsepsiya Al'fa Rossa) [The Problem of Legal Validity in the Anti-Metaphysical Approach (Alf Ross's Conception)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law], 21(3), pp. 396—414. (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2337-2017-21-3-396-414

Weber, M. (1972). *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. 5. revidierte Aufl. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck). (in Germ.) [Russ. ed.: Weber, M. (2016). *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii: v 4 t. T. I. Sotsiologiya* [Economy and Society: Essays in Sociology. In 4 Vols. Volume I. Sociology]. Translated from German by V.A. Brun-Tsekhovoi, L.G. Ionin, I.A. Sudarikova, A.N. Belyaev and D.B. Tsygankov. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki].

Weinberger, O. (1999). Legal Validity, Acceptance of Law, Legitimacy: Some Critical Comments and Constructive Proposals. *Ratio Juris*, 12(4), pp. 336—353. DOI: 10.1111/1467-9337.00129

Zavershinsky, K.F. (2001). Legitimnost': genesis, stanovlenie i razvitie kontsepta [Legitimacy: Genesis, Formation and Evolution of the Concept]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], (2), pp. 113—131. (in Russ.).

Zweigert, K. and Kötz, H. (1984). *Einführung in die Rechtsvergleichung auf dem Gebiete des Privatrechts*. 3rd ed. Tübingen: J.C.B. Mohr. (in Germ.) [Russ. ed.: Zweigert, K. and Kötz, H. (2000). *Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava* [An Introduction to Comparative Law: The Institutions of Private Law]. Volume 1. Translated from German by Yu.M. Yumashev. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Антонов Михаил Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал).

AUTHOR'S INFO:

Mikhail V. Antonov — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, School of Law, Higher School of Economics National Research University, Campus in Saint Petersburg.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Антонов М.В. Легитимность и действие права // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Том. 13. № 3. С. 48—81.

FOR CITATION:

Antonov, M.V. (2018). The Legitimacy and the Binding Force (Validity) of Law. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 13(3), pp. 48—81.